

Д.И. Попов
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
ПЯТИ БЛАГОЧЕСТИВЫХ МУЖЕЙ В РОССИИ,
ИЗ РАЗНЫХ ДОСТОВЕРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
СОБРАННЫЕ В МОСКВЕ
В 1840 ГОДУ*

* Публикуется впервые по материалам Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд № 237, единица хранения № 38.

ГЛАВА I
НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЗНИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА
И СЕМЕНА ИВАНОВИЧА ГАМАЛЕИ

СТАНСЫ НА ТРИЗНУ ОТЦОВ

Хвала вам, старцы юных дней,
Сердец благодаренья!
Вы в славной ревности своей
Внесли нам светоч просвещенья!¹

И озарился темный ум,
И дети выросли мужами² -
Святая бездна тайных дум
Раскрылась пред очами!

За бескорыстный подвиг свой
Испили чашу вы страданий;
За чистый дар любви святой
Себе не ждали воздаяний!

Хвала вам старцы юных дней,
Сердец благодаренья!
Вы в славной ревности своей
Внесли нам светоч просвещенья!

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Собранные здесь материалы для будущего биографа мужей в нашем отечестве, которым Россия наиболее обязана своим нравственным образованием, содействовавшим и прочим полезным знаниям, ныне распространяющимся, представляются читателю из одного только глубокого уважения к памяти упоминаемых здесь мужей и из желания сохранить для публики малейшие обстоятельства относительно их жизни и того благодетельного влияния, ко-

торое они своим бескорыстным усердием к общему благу имели на моральный быт наших соотечественников.

Собравший предложенные здесь материалы сожалеет, что не имел возможности, по недостатку источников, сообщить подобные же сведения об упоминаемых здесь мужах, не менее достойных уважения, и других ревновавших на том же достохвальном поприще, почему и приглашает заняться описанием их жизни во славу добродетели.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЗНИ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА
И СЕМЕНА ИВАНОВИЧА ГАМАЛЕИ

Слава добродетельных в их совести.

Фомы Кемпийского «О подражании Христу»⁵

Книга II глава 17.1.

В конце 18 столетия, когда на западе Европы буйство разума ниспровергало алтари веры, возникли по воле великого Строителя мира на двух полушариях земли два замечательных человека, которые действовали в одно время для одной цели - Франклин⁴ и Новиков. Одному Богу принадлежит истинное ведение и суд воздавать каждому по делам его, а потому, не всходя в исследование, кто из них более успел на своем поприще, обратимся к неоцененному Новикову, возжегшему свет истинного просвещения⁵ в противоположность западу на востоке Европы в сердце России - Москве.

Он родился 27 апреля 1744 года в поместье предков своих, московской губернии Бронницкого уезда в селе Тихвинском. Родители его, имея достаточное состояние, дали ему воспитание скудное, не полагая большой надобности в образовании умственном, но руководствуясь более набожным понятием и простотою сердца, свойственным тогдашнему веку и русскому народу, избрали ему в учителя дьячка, который и окончил его воспитание. Почти восемнадцати лет в январе месяце 1762 года записали его солдатом лейб-гвардии в Измайловский полк, где он и находился в то время на часах, когда Императрица Екатерина II при восшествии своем на престол с княгиней Дашковой

изволила приехать в Измайловский полк. После того повезло счастье измайловцам. Новиков произведен в унтер-офицеры, потом взят в Комиссию о составлении проекта нового Уложения и определен в отделение о среднем роде людей, где и находился для составления записки, и во время диспутов прикомандирован был в общее Собрание вести журнал прений, который он читывал Императрице, вероятно, быв уже произведен в чин гвардии прапорщика.

Здесь Николай Иванович нашел возможность развить и образовать свои способности, и, зная любовь Монархини к поэзии, истории, художествам и прочим словесным наукам, он оставил в 1770 году военную службу и посвятил себя литературе, почему и находился некоторое время при Дворе.

Тогда издавался еще первый в России журнал: «Собеседник русского слова»⁶, в котором участвовала сама Императрица. Молодой литератор, последуюя ее примеру, начал в 1770 году издавать свой журнал под названием «Живописец». Вскоре он напечатал «Опыт словаря российских писателей», которым увековечил память многих отечественных писателей, собравши драгоценные материалы для истории русской литературы. «Живописец» его, сделавшись соперником журнала издаваемого Императрицею, обратил на себя внимание. «Новиков к этому способен, - говорили при дворе, - его “Вечера” (еженедельник) были несколько сухи, но “Живописец”, надобно отдать справедливость, утешил всех».

А потом в 1774 году под собственным наблюдением самой Императрицы и при содействии княгини Дашковой с ее приближенными, Новиков издавал еженедельное сочинение в двенадцатую долю листа, посвященное отечеству, под названием «Кошелек». План журнала самый строгий: преимущественно положили держаться одного: быть насильниками французелюбцев. Само собой разумеется, что известность при дворе, приглашения в Эрмитаж, где Екатерина исправляла должность хозяйки, приятная наружность его, светлый ум, который умел, может быть, один так хорошо проникнуть находившегося тогда при дворе Дидро⁷, о котором и сказал, «что он умный француз, да ему как неверующему верить нельзя» и при том любезность обращения, ловкость и неподдельное красноречие привлекали к нему многих и распространили круг

его знакомства. Некоторые из них, оценив молодого литератора, захотели им воспользоваться, собравшись к нему в дом, предварительно как бы посторонним образом говорили ему о своем обществе и, не взяв обета в скоромности, прочили ему принятие и против всякого его ожидания поздравили его членом своего общества.

«Мы знаем тебя, - говорили они, - знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны». Это пересказывал М.В. Перваго⁸, слышавший о том от самого Николая Ивановича, который говорил, что находясь на распутье между вольтерянством и религией, он не имел точки опоры или краеугольного камня, то же самое пишет он и в ответах своих: «Не по собственному исканию или побуждению; но по приглашению, сколько могу упомянуть, в 1775 году и то на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и обязательства, чтобы мне открыть 3 градус⁹ наперед, и ежели найду что противное совести, что чтобы на считать меня в числе масонов». Но возвратимся к «Кошелек»: он накликнул много врагов Новикову. Правда или нет, но сказывали, что эпиграммы на французов дошли до сведения французского посольства, и будто бы французский посланник говорил некоторым из русских вельмож, что болтовня Новикова должна быть штукаю англичан и прочее. Пошли толки, девятым месяцем «Кошелек» и прекратился; Новиков выехал на несколько времени из Петербурга, а потом вскоре переехал в Москву, где и снял Университетскую типографию; в домах Ржевского, Вяземского и других поговаривали, что Новикову много повредил его «Кошелек».

В Москве издал он «Древнюю Вивлиофику», содержащую редкие и любопытные памятники русской истории, в 1774 году с позволения правительства учредилась «Типографическая Компания» для издания книг, которых до того времени совсем на русском языке не издавалось; учредил первую в Москве «Библиотеку для чтения», желая пламенно содействовать просвещению соотечественников и наконец был без всякого сомнения одним из самых ревностных основателей Дружеского ученого общества¹⁰. И цель сего общества была издавать книги духовные и наставляющие в нравственности истинно Евангельской, переводя глубочайших о сем писателей на иностранных языках, и содействовать хорошему воспитанию, помогая

особливо готовящимся на проповедь Слова Божия, чрез удобнейшие средства приобретать знания и качества нужные к этому званию, для чего и воспитывались у нас больше пятидесяти семинаристов, которые отданы были от самих Епархиальных Архиереев с великою признательностью. Члены общества сего упражнялись в познании самого себя, творения и Творца¹¹ по правилам той науки, о которой говорит Соломон в Книге Премудрости¹² (глава 7, стихи 17-22)¹³, содержащейся в Библии, и в писаниях мужей, непосредственным откровением просвещенных от Бога: науки, открывающей начала всех вещей, без познания коих никогда натура вещей истинно известна быть не может. Возможность же откровения одного во все времена не сомнительна для всякого разумного и верующего христианина, и самый нехристианин, но только бытие Всемогущего Бога не отрицающий и здравый имеющий смысл, не может отвергать возможности сей без ошутительной погрешности против рассудка.

Не будем исследовать, что вошло в состав из прежнего общества: основалось ли оно из новых членов, или подпало влиянию другого общества¹⁴, которое действовало на Новикова - но скажем, что к этому времени должно отнести встречу Николая Ивановича с лицом весьма замечательным, только что приехавшим из Могилева.

«В одно утро, пришел ко мне немчик (это собственные слова Николая Ивановича), с которым поговоря, сделался во всю жизнь до самой его смерти неразлучным» - этот немчик был Иван Егорович Шварц¹⁵. Умея пользоваться временем, он неоднократно посещал чужие края и был столько счастлив, что отыскивал мужей, соревнующих истинному просвещению, неоднократно посещая их и проживая там значительное время в самых дружеских связях, и снабженный всякого рода пособиями возвращался к друзьям своим, умевшим оценить привезенные им сокровища. С этой эпохи жизнь Николая Ивановича приняла другое направление; тесная дружеская связь с Шварцем обратила всю его деятельность к цели высокой, нравственной и была, конечно, одною из сильнейших пружин к развитию действий упомянутого общества, которое составилось из многочисленных членов, образовало на свой счет несколько благотворительных учреждений, с пожертвованием огромных сумм, поставивши себе главным предме-

том содействовать всеми силами истинному благу соотечественников. В то самое время, когда модные писатели XVIII века с жадностью поглощались незрелыми умами, Шварц принял на себя труд рассеять распространяющийся мрак неверия и открыл лекции для всех желающих. Он разбирал Гельвеция, Руссо, Спинозу, Ла Метри и прочих, сличая их с противоречащими философами и, показывая разность между ними, учил находить их достоинство каждого. Следствия проистекали самые благодетельные - простое слово его исторгало из рук многих соблазнительные и безбожные книги и поместило на место их Святую Библию, которую до того никто не читывал, почитая ее Книгою потребною только для церквей, не воображая, что она могла служить и к просвещению разума. Направление, данное описанным благодеянием этого почтенного мужа умам и сердцам молодых людей, открылось в силе и действии, явились любители духовных книг, но как книг было тогда очень мало, то стали искать средства к изданию их на русском языке и пожертвовали для этого своим имуществом, потому что число читающей публики было тогда так мало, число самых предметов чтения так ограничено, что библиотеку каждого, кто имел оную, можно было перечесть всю наизусть. В Москве существовала одна только типография и та стояла почти без дела; книжные лавочки были только на Спасском мосту, так что предприятие печатания книг духовного содержания не только не представляло никаких выгод, но вело к явным убыткам, потому что надлежало родить в читателях новый вкус и приучить к чтению духовных книг, о которых никто не имел прямого понятия.

Таким образом Новиков с помощью друзей своих умножил механические способы в книгопечатании, образовал, можно сказать, сотворил, сотни переводчиков и десятки писателей, завел книжные лавки в Москве и других городах, нередко платил за два и за три перевода одной книги для того, чтобы хороший издать, а дурные оставить, покупал иногда вредную книгу и бросал в камин, а переводчику отдавал переводить благонамеренную, чтобы отвлечь его от худого занятия. Прежде расходилось «Московских ведомостей», по словам Н.М. Карамзина, не более шести сот экземпляров. Новиков сделал их гораздо богаче содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи

и выдавал при ведомостях безденежно «Детское чтение», которое новостью и разнообразием материи нравилось публике. Число подписчиков умножалось и лет через десять дошло до четырех тысяч.

Приучая публику к чтению, стал действовать и на образование: начал издавать «Утренний свет», потом «Вечернюю зарю», сопровождаемые множеством занимательных и полезных книг для людей всякого сословия и образования, печатал сказку, повести, магазин экономической физики и химии, драмы и романы, одним словом, действовал на все классы и возрасты людей.

В это же время была заведена на счет общества аптека, в которой главным правилом была поставлена раздача лекарств бедным безденежно - чрез нее публика познакомилась с многими лекарствами выписанными из за границы как то: Гарветскими каплями и проч., о которых прежде и не знали. - Эта аптека при упадке общества была продана и долго пользовалась заслуженною славой под именем старой Никольской.

Весьма любопытно было бы составить полную роспись книгам в хронологическом порядке изданным, а потом разделить ее на классы, и эта классификация объяснила бы, как публика постепенно приучалась к чтению и знакомилась с знаниями.

С такою-то благонамеренною целию и по бескорыстной любви к отечеству раздавались от общества Новикова, и некоторыми членами безденежно, сотни книг молодым людям не в одной Москве, но и в других городах; так что при открытии Дружеского общества в говоренной речи упомянуто было, что уже роздано три тысячи учебных книг, следовательно, когда до открытия общества роздано одних учебных книг три тысячи, то сколько же должно быть роздано всех книг вообще и во всем время существования общества.

Во время бывшего голода многие губернии были прокормлены, бедным из аптеки Компании выдавались даром лекарства, юношеству доставлялись безвозмездно способы к образованию, особенно готовящимся на проповедь Слова Божия, чрез удобнейшие средства приобретать знания и качества, нужные к этому званию, для чего и воспитывались на счет общества более пятидесяти семинаристов, отданных с великою признательностью от самых

Епархиальных Архиереев. Из них вышли митрополиты Михаил¹⁶ и Серафим¹⁷ и протоиерей Колоколов¹⁸, бывшие по ученой части: Политковский¹⁹, Багрянской²⁰, Страхов²¹, Невзоров²², Антонской²³, Колокольников²⁴ и другие.

Некоторые были отправлены в европейские университеты учиться медицине и прочим наукам. Сверх того было еще особенное отделение для дворян, точно не помню под названием ли пансиона Шварца или Шаддена²⁵, из которого вышли Карамзин²⁶, Лабзин²⁷ и другие. Некоторые из них также отправлены были на счет Компании за границу. С.И. Гамалея писал план путешествия для Н.М. Карамзина, который сообразно ему должен был входить в связи с людьми, от которых надеялись всех возможных пособий к его образованию, от других знакомств уклоняться, и по тогдашнему духу времени такое предостережение было для него истинным благодеянием, хотя мы не можем сказать в точности ли исполнены все данные ему наставления.

Таким образом все шло до 1783 года, т.е. до того времени, когда умер Шварц, умевший своим бескорыстием и усердием к общей пользе прекращать возникавшие между членами Типографической Компании неудовольствия, которая публично открылась только в 1784 году; но основание положил ей Шварц, находившийся в тесной связи с Новиковым, оба они поддерживали друг друга; когда же остался один Николай Иванович, то все бремя управления обрушилось на него, в то время, когда дела по Компании так увеличились, что одному не было возможности и не доставало силы управлять теми, из чего произошла остановка и запутанность дел. Типографическую Компанию составляли: двое Князей Трубецких²⁸, двое Лопухиных²⁹, Тургенев³⁰, Кутузов³¹, Чулков³², князь Енгальчев³³, Ладыженский³⁴, барон Шредер³⁵, Гамалея, князь Черкасский³⁶.

В 1785 году барон Шредер сторговал Гендриковский дом³⁷, дал задаток и уехал в Мекленбург, а на совершение купчей оставил доверенность князю Енгальчеву с поручительством князя Черкасского и залогом его деревень. Причем поручил князю Енгальчеву перестраивать и исправлять его. Князь Трубецкой просил Николая Ивановича, чтобы он взял на себя перестройку дома, ибо у них нет ни денег, ни мастеровых, ни людей, которые бы им поверили в долг материалы. Долго Николай Иванович отказывался, но наконец должен был согласиться, чтобы

не подать повода думать, что он потому отказывается, что дело предпринято бароном, с которым они друг с другом были всегда холодны. Дом приходил к окончанию, когда князь Трубецкой получил от барона письмо, которым он просил, что можно дом продать и тем спасти его от разорения.

Долго думал Николай Иванович с Князем Трубецким, что предпринять. За отделку дома и материалы должно платить всем, потому что барон денег не прислал. Наконец решились предложить Компании купить дом, что и было приведено в исполнение, и барон по возвращении из-за границы выдал купчую на имя членов Компании. Здесь-то было начало неудовольствий между старшими и разделением на партии младших, которое бывает всегда гибельно для всякого общепользующего предприятия. Между тем барон, пользуясь некоторою властью и влиянием на Компанию, не удовлетворялся тем, что для него сделали, но требовал, чтобы возвратили ему положенный им капитал. Новиков и Гамалея настояли, что полная сумма не может быть возвращена потому, что она заключается в материалах, товарах, строениях и проч. и проч. и что барон должен почитать за снисхождение, если Компания согласится выдать только то, что находится у нее в наличном капитале.

Начались личности, вмешались соответственные выгоды, некоторым самолюбие напомнило, что они бояре и генералы, а Новиков поручик, хотя этот поручик и пользовался европейскою славою чрез сношения от лица Компании с заграничными учеными, участвовавшими в обществе: как то с известным Ленцом³⁸, товарищем и другом Гете, у которого жил один из детей умершего профессора Шварца, с Френкелем³⁹, корреспондентом общества, с Туссенем⁴⁰ и другими. Даже посвящались за границую книги в знак уважения к особе Николая Ивановича. Слава росла; но она и сделалась причиною его гибели, источником бедствий и крестов, сопровождавших его до гроба. Барон⁴¹ очень искусно умел зачернить эту славу, воспользовавшись подозрениями Правительства, о которых вероятно знал при выезде из России; или может быть сам, желая породить подозрения, стал оттуда писать чрез почту письма и извещать Новикова о том, о чем он и не думал, не только что поручал ему справляться. В это время

возгоравшаяся революция во Франции могла дать много материалов замысловатому уму барона. Такого рода письма весьма естественно были удерживаемы в почтамте из опасения, что он распространяет вредные для отечества нашего слухи, и Николай Иванович узнал об них только тогда, когда должен был отвечать на заданные ему вопросы пункты.

К этому присовокупилось подозрение, внушенное одним из приближенных к Императрице царедворцев⁴², который по своим силам представил цель общества хотя и вредною, но безопасною по его бдительности к сохранению особы Государыни. Не желая, впрочем, действительным образом вредить людям, лично его не оскорбившим, он всячески удерживал от страстей и все следствия возбужденного неудовольствия ограничивал неоднократным запечатыванием и пересматриванием изданных обществом книг, которых по экземпляру отослано к Московскому Архиепископу для рассмотрения, но он ничего не нашел в них богопротивного. Потом и сам Николай Иванович отослан на испытание в Законе к нему же, который нашел его таким христианином, каких бы желал он, чтобы было более. Так доносил Преосвященный Платон о порученном ему деле.

Странно, что издание Новиковым журнала под названием «Кошелек» с воли пожелания самой Императрицы наделало тысячи врагов издателю и, как видно было в последствие, едва ли не первую причину родившихся против Новикова подозрений, потому что недоброжелательствующие всегда стараются предполагать в своих мнимых противниках скрытное намерение и в самых добрых делах их видят какие-то злые замыслы, никогда не объясняя в чем состоят они, как и сделал автор «Словаря достопримечательных людей в России»⁴³, а к тому же и самые подвиги добродетельные почему-либо не любимых нами особ кажутся несносными нашему самолюбию, потому что мы не имеем довольно мужества подражать им. Привыкли почитать себя в тайной фарисейской гордости лучше других, мы не прощаем и самому добродетельному человеку его превосходства над нами, по той только причине, что все видимые наши преимущества ничтожны пред его истинным достоинством. Мудрено ли, что Императрица, по внушению врагов Новикова, вопреки всегдашнему своему милосердию, приказала подвергнуть его столь тяжкому заключению.

В конце 1785 года Императрица Екатерина II повеле-
ла главнокомандующему в Москве графу Брюсу снести-
ся с архиепископом Московским об определении со сторо-
ны духовенства двух особ для составления Комиссии со
светскими чинами, которая должна заняться рассмотре-
нием вышедших из вольных типографий Новикова и дру-
гих, относительно веры книг и для наблюдения, чтобы не
выходили в свет сочинения, скрывающие в себе нелепые
умствования и раскол.

В комиссию были назначены от Преосвященного Пла-
тона Бояжленский Архимандрит и член Консистории Се-
рапион и Знаменский Игумен, Московской Академии про-
поведник Моисей. От графа Брюса полицмейстер Годейн.
Вскоре потом Государыня предписала (23 января 1786 г.)
Московскому Губернатору П. Лопухину призвать Николая
Ивановича в Губернское Правление и изъяснить ему, что
типографии учреждаются обыкновенно для издания книг,
обществу прямо полезных, а отнюдь не для того, дабы спо-
собствовать печатанию и сочинению исполненных новыми
расколами и обманами к уловлению невежд. Из его же Но-
викова типографии вышло немалое количество подобных
книг, а потому допросить его о причинах, побуждавших его
к изданию тех сочинений, в каком намерении то было.

Он отвечал: побудительною причиною было содейство-
вать правительству в распространении тех книг, которые
были одобрены Цензурою, а притом многие присланы от
сановников, правительства, как духовных, так и светских.
Сверх того имел в виду и денежную прибыль.

Сколь ни были строги меры, принимаемые прави-
тельством, Новиков умел, однако, и во второй раз дока-
зать свою невинность. При таком положении дела ос-
тавались лет семь; никто не хотел вступаться при дворе
за людей, на которых обращено было неудовольствие
правительства, столько неприятелей при всяком случае
возвышали свой голос с предубеждением и ненавистию,
поставляя им в вину то, за что бы следовало хвалить их,
приписывая им соучастие в мечтах тогдашних воспламе-
ненных умов французской революции и тому подобных
намерениях, конечно, ни кому из них и в голову не прихо-
дивших; но это была печать, которою ознаменовываются
истинно христианские подвиги по речению самого Спа-

сителя (#м.15:19, Мф. 10:22.).⁴⁴

В апреле 1792 года в подмосковном селе Тихвинском Николай Иванович был арестован и за полицейским конвоем гусар с большими предосторожностями и с военными снарядами привезен в Москву, где содержался недели три и был допрашиваем, а потом на пятнадцать лет заключен в Шлиссельбургскую крепость; его поместили в рavelин, в таком каземате, на стенах которого образовалась селитра. Везли его туда окольными дорогами чрез Ярославль и Тихвин, и приставу от Князя Прозоровского⁴⁵ предписано было с особенною опасностью проезжать Ярославль, потому де, что в нем некогда была мasonicкая ложа и под покровительством бывшего там генерал-губернатора А.П. Мельгунова⁴⁶, которого тогда и с ложей несколько лет на свете не было.

В Петербург же он совсем привезен не был, а известный Шешковский⁴⁷ ездил допрашивать его в Шлиссельбург 1792 года июня 3 дня.

В то же самое время запечатаны в Москве книжные магазины и типографии Новикова, а так же и все книжные лавки. Эта типография находилась частью в доме И.В. Лопухина близ Николаевских ворот, что ныне дом Шипова, занятый трактирами, и частью в доме Компании, бывшем Гендрикова, ныне Спасские казармы, а лавки почти все были на Спасском мосту, который ныне уже не существует.

Когда князь Прозоровский Главнокомандующий Московский рассказывал о своих предосторожностях при взятии Новикова, то граф Кирилл Григорьевич Разумовский⁴⁸ сказал: «Вот расхвастался, как город взял, старичишку скорченного, гемorroидального - взял под караул; да одного бы десятского или будочника за ним послал, так и привез бы его».

Тако же оригинально письмо Потемкина Таврического Государыне по этому случаю о князе Прозоровском: «Ваше Императорское Величество выдвинули из вашего Арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в Вашу цель потому, что своей собственной не имеет; только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью имени Вашего Императорского Величества в потомстве».

Шешковский явился допрашивать Николая Ивановича в Шлиссельбург; по окончании допросов приказал сделать некоторое улучшение в его содержании. Грустно и тяжело было невинному переносить заключение, страдая еще от фистула и вообще от расстроенного здоровья, со-

провождавшего его до самой кончины. Но Господь никого не оставляет - Он посылал ему утешительные сны, а между тем и самая вера утешала заключенного, как сказано: «Призови меня в день скорби твоей, и изыму тебя, и прославлю тебя»⁴⁹. Вот, что говорит сам Николай Иванович в письме, написанном в утешение другу, у которого утонул сын: «В сем печальном случае не могу я сказать, любезный друг, иного утешения кроме того, коим некогда в Шлиссельбурге сам утешен и обрадован был, когда священник с потиром в руках, переступив через порог, сказал: «Его же Господь любит наказует, если наказание терпите, яко сыновьям обретается вам Бог и если без наказания пребываете, тогда вы незаконнорожденные, а не сыны»⁵⁰. Далее о другой материи замечательно, что Николай Иванович был взят и заключен в Шлиссельбург именно при вступлении в сорок девятый год своей жизни, о чем тако же говорит он в письме Н.М. Карамзину: «Вам 49 лет; это год климатический⁵¹, вам сей год есть год полный чести и славы, а мне этот год был полон скорби и печали. Как различно поступает с нами милосердие Божие, и одного ласкою, другого розгою влечет к себе: блажен, кто и то и другое употребляет в пользу свою».

Однажды, в задумчивости сидя под окном своей темницы, услышал он голос: «Прими Христа ради!». Он оглянулся и видит сосудец с солеными грибами. Перекрестился и воздал честь Богу: «Слава тебе Господи! Что во имя твое мог принять».

Не знаю, не унижу ли я человека, когда расскажу, что он делал; но ежели и победитель Кагульский⁵², живя в деревне своей, удил рыбу, то мудрено ли, что Новиков в заточении водил кур, и когда был освобожден, то смеючись говорил: «Меня в Шлиссельбурге почитали колдуном потому, что все яйца, положенные под наседку, у меня вылупливались. Я первый куровод в России».

Незадолго до самой кончины Императрица Екатерина II прислала спросить Николая Ивановича, хорошо ли ему. Он заплакал и отвечал: «Скажите Государыне, что она смеется надо мною, зная мою бедность и болезнь, присылает меня спрашивать: хорошо ли мне». После того по приказанию Государыни еще улучшили его содержание, даже присланы были и лекарства, так что участь его гораздо облегчилась.

Таков был конец Дружеского общества, учрежденного с благою целью распространить истинное, основанное на правилах веры Христианской просвещение, с которым тогда Россия так мало была еще знакома. Не излишне полагаю здесь выписать слова А.Ф. Лабзина, написанные им об уничтожении Ордена Храмовых рыцарей⁵³:

«С самого падения человека, человек стал чувствовать, что он один сам себе недостаточен, стал чувствовать нужду в помощи, в дружестве с другими, дабы раздельные силы каждого соединив в одну точку, сделать крепчайшими, твердейшими, действительнейшими. С сей же самой эпохи начались общественные связи и общества, которые видны еще до Потопа, а потом и паче под разными наименованиями являются; и в числе оных были таковые, в которых люди взявшись так сказать за руку, стремились к возвращению потерянного достоинства, блага или сокровища, которого сердце желало, смысл ожидал, чувства искали; устремлялись к оному и помогали в том друг другу; и от того доходили до такого совершенства в сем искусстве, до какого частные дарования, добродетели, познания одной какой-либо особы никогда вознестись не могут. Ибо искание добра, производимое общественно имеет более силы против частного, потому 1) что здесь есть подкрепление друг другу - в чем частные особы часто оскудевают - и так оно надежнее; 2) что здесь более ведения или просвещения; а потому и более средств против заблуждений, частью в каждом кроющихся; 3) что более системы, опыты многочисленнее, и следовательно доказательства увереннее, и путь удобнее и легче. К чему служат самые законы каждого Государства, как не к тому, чтобы частные добродетели учинить общественными; чтобы слиять частные свойства в один общественный характер; сделать общественным правосудие, правду, любовь к ближнему, любовь к бескорыстию, или, по крайней мере, умеренность в стремлении к собственным выгодам, любовь к изысканию или к умножению ведений? А сие для чего? Дабы меньше заблуждаться и ошибаться; ибо все заблуждения происходят от недостаточного ведения, в котором упражнение частное, без сомнения, как мы уже сказали, не столь успешно, как упражнение частное и в добродетелях. Проходя историю народов философическим оком, мы откры-

ем, что как скоро в каком народе преставали добродетели быть общественными, то возникали общественные пороки, которые влекли за собой гибель Государства. Из чего ясно видеть можно, что связь, твердость и неизблемость Государств состоит в творении добродетелей общественно, которые побудят более любить друг друга: а любовь друг к другу связует и укрепляет всякое общество. Для того-то избраннейшие мужи в самой глубокой древности, находя сие самое натурою вложенное в человека побуждение к общественности, и видя оное вернейшим средством и путем к его совершенствованию, составляли между собою связи, которые, во-первых, имели не частную какую-либо цель, но общую; во-вторых, и одинакую; ибо во всех сих обществах, в каких веках в каком народе, при каких обстоятельствах и под какими именами они не являлись, их уставы, обряды, эмблемы и указания в главных частях всегда друг на друга похожи.

Преимущества сих обществ видны: во всех них примечается в ясности доказанное бытие вездесущего, всеобъемлющего, всенаполняющего и всесохраняющего; во всех говорится о спокойствии души или духа; о великом ведении, или высоких знаниях - о блаженстве, которое всем необходимо и которого достичь можно; примечается более сострадательности к несчастьям ближнего; виднее порывы избавить его от оных с потерей даже самого любимого, самого первого сокровища своего - жизни; видно, что сии добродетели были не частные какие, но общественные, и что они шествовали к благу совокупно, рука в руку. - Таковые люди носили в древности имена мудрецов, жрецов, Пророков, посвященных, Магов, Провидцев, Друидов⁵⁴, Философов, Эссеян⁵⁵ и проч. и всех их цель была та, чтобы странствующих по распутиям, заблуждающихся человек препровождать к истине, к духовному и священному миру, и ограждать их от препятствий на пути к нему».

Указ Императора Павла об освобождении Новикова напечатан 1796 декабря 1-го дня; но он был уже на свободе за месяц. Семен Иванович Гамалея в письме своем из Тихвинского говорит: «Николай Иванович отправился отсюда в Петербург, получа третьяго дня чрез Московского главнокомандующего по письму Генерал-Прокурора Его Императорского Величества повеление быть в Санкт-Петербурге». (А.И. Тургенев⁵⁶ видел Николая Ивановича в Петербурге

в первые дни Царствования Императора Павла в разодранном платье, в обросшей бороде в квартире И.В. Лопухина.) Он прибыл к нам 19 ноября по утру, дряхл, стар, согбен, в изодранном тулупе и проч. Доктор и слуга его крепче его. Дивны дела милосердия Господа Бога нашего. Да будет ему честь, слава и благодарение за вся вечно!

Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселянах, как они с радостными слезами обнимали Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую чрез него помощь получали и прочее. И то не только здешние жители, но и отдаленных селений. Вы желали знать, как дети Николая Ивановича встретили? Сын в беспамятстве подбежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он отец ее. Притом Высочайший указ уже воспоследовал об отдаче имения Николаю Ивановичу, сколько оного в Казенном ведомстве находится. К принятию имения разве по возвращению из Петербурга приступлено будет. PJ.⁵⁷ По написанию сего я получил письмо Николая Ивановича, что он 5-го числа после полудня в 5 часов представлен был монарху и весьма милостиво принят, и так что описать не может. Слава Богу!»⁵⁸

Должно предполагать, что Николай Иванович прямо из Шлиссельбурга был представлен Императору, обросший бороною, и когда Государь спросил его, чего он хочет за все претерпенное, то он отвечал просьбою об освобождении всех заключенных по его делу. Что и было в то же время исполнено. Потом уже отпущен в деревню, откуда вторично был призван и принят очень милостиво. Но Новиков не был царедворцем. Когда Государь показал ему Крест Ордена Иоанна Иерусалимского, а другой Тамплиерский, то он сказал: «Мы, Государь, лучше этого можем учредить». - И это было принято с неудовольствием, которое усугубилось слезами одной любимицы, говорившей Государю: «Предавшись Новикову, ты меня оставишь, Государь!». Может быть, и придворные интриги содействовали к тому, что Николай Иванович вскоре отпущен был в Подмосковную.

Отдача имения, и без того уже расстроенного, так замедлилась, что кредиторы Компании получили по полтине на рубль. В это время Болотов⁵⁹, сын известного Андрея Тимофеевича Болотова, привез к Николаю Ивановичу со-

хранившиеся во время переворота в доме отца его книги, принадлежавшие Компании, Новиков велел представить их в общую массу описанного имения, из которого ни он, ни друзья его, бывшие основателями Компании, положившие огромные суммы, не взяли ничего в свою пользу. Так, Григорий Максимович Походяшин⁶⁰ продал все имение и, вырученные деньги (миллион рублей) вложивший на заведение Дружеского Общества, скончался в бедности, *Деян.* IV.34 - 37⁶¹.

Последние годы жизни, проведенные Николаем Ивановичем в деревне, около 22-х лет, протекли под игом крестным, в болезненном состоянии, которым было угодно Богу посещать своего любимца: «Что касается до меня (писал он к кн. Трубецкому⁶²), до моего состояния и обстоятельств, то я получаю беспрестанно новые Кресты, силы мои изнурились и изнуряются под тяжелым бременем Крестов сих: я так одряхлел, что вы бы теперь меня и не узнали <...> но лишь бы мы несли хоть огненный, но очистительный, а не наказательный Крест». В письме к Карамзину⁶³ он говорит, «что слабость мешает не только писать; но и сказывать, и малейшее слово в то время мне сказанное, прерывает нить. Но когда я говорю лично, слабость моя исчезает и я делаюсь крепок, что я многажды замечал. Дух наш наружными обстоятельствами угнетается и как бы упадает, но когда он вступит в действие, выступив из состояния страдательного, тогда и наружная наша делается свободною». Известно, что последние письма Николая Ивановича писаны под диктовку - он не смог уже писать их собственноручно.

Нужно ли говорить в опровержение некоторых слухов, что Николай Иванович в последнее время своей жизни ослабел в умственных способностях⁶⁴. Доверяющие этим слухам могут прочесть письма его к Карамзину и кн. Трубецкому, напечатанные вместе с письмами Гамалея⁶⁵ в конце второй книжки, которые он писал незадолго до своей кончины. Иоанн Арндт⁶⁶ говорит: «В смиренниках живет Христос и потому почит на них дух Премудрости и разума, совета и ведения, крепости и страха Божия» (О истинном христианстве. Часть 1, гл. 37, пар.13). Я присовокупляю к этому, что опытность научила его быть скромным, и он при конце дней своих ограничил себя кругом друзей, им самим избранных, в котором свыше просвещенный ум его

сеял семена истины. Что он никогда не переставал быть деятельным, то свидетельствуют оставшиеся после смерти его манускрипты, которые составили бы такое же количество книг, какое напечатано во все время существования Компании. Небольшие пьесы, им самим подобранные, могут составить журнал подобный «Сионскому вестнику»⁶⁷.

К этому времени должно отнести по рисунку Николая Ивановича сделанную Символическую живопись в Церкви села Тихвинского, достойную внимания любителей теософских и натуральных наук и заслуживающую быть сравненной с Иероглифами Николая Фламелья⁶⁸, некогда изображенными в Церкви Парижской Богородицы для вразумления ищущих премудрости о свете, которому Николай Иванович был избран промыслом орудием для нашего отечества⁶⁹.

Ослабев пред кончиною, он приобщился Святых Тайн и сам прочел благодарственную молитву; пред наступлением же смертного часа приказал читать себе Евангелие и ежели читавший ошибался, то Николай Иванович на память подсказывал ему точные слова Писания, хотя в то же время страдал от Антонова огня⁷⁰, открывшегося в его пролежнях, от которого он и скончался 31 июля 1818 года и был погребен возле церкви Тихвинского.

Так протекла жизнь человека, оказавшего большие услуги соотечественникам, не имевшего в виду собственно для себя ни наград, ни обогащения, но действующего из чистого побуждения быть полезным и делать добро ближнему; хотя плоды пламенного усердия, обнаруженного в эту эпоху, не принадлежат собственно одному Николаю Ивановичу, но, тем не менее, его ревностное участие, твердость духа и целая страдальческая жизнь за предпринятое дело заслуживают потомков, обязанных признательностью к положившим начало распространению в нашем отечестве полезных знаний, до того времени совершенно нам чуждых и противопоставивших твердый оплот бурному потоку неверия, потрясавшему столько лет Францию и сопредельные ей государства. Провидение, избравшее Николая Ивановича орудием к исполнению непостижимых своих намерений, одарило его и наружными качествами, привлекавшими к нему сердца всех знавших его. Он был росту более высокого нежели среднего, руки имел полные, под старость стан его несколько сгорбился,

волосы носил длинные, струившиеся локонами до плеч, взор был исполнен любви. Приятное обращение, неподдельное красноречие, занимательная беседа без педантизма, приправленная остротой и невинной шуткой, влекли к нему слушателей, между которыми находили умственную пищу и медики, и историографы, и литераторы, и даже духовные особы. Но не одними учеными ограничивался круг его действия на этом поприще: ему нередко внимали и простые с услаждением и возвращались к себе с разгоряченным сердцем и с истинною любовью ко всякому добру.

Удивительно, что предубеждение, вселенное против него в понятии Императрицы, было так сильно, что она при одном случае сказала: «Мне легче справиться с целой Европой, нежели с одним поручиком Новиковым»... Оканчивая здесь очерк незабвенного нашего соотечественника, перейдем к начертанию жизни друга его, не менее любопытному и достопримечательному.

Фамилия Гамалеев, от которой происходит Семен Иванович, сделалась известною при Юрии Хмельницком⁷¹. При царе Алексее Михайловиче полковник Лубянского полка Гамалея занял город Черкасы, принадлежащий ныне Киевской губернии, и за оказанное жителями сопротивление обратил его в пепел. Многие из лиц этой фамилии служили и служат с пользою новому своему отечеству. День рождения Семена Ивановича был 26 мая 1743, хотя и не известно мне в каком месте. Родители его имели достаточное состояние, но как у них были и другие дети, то Семена Ивановича предназначили они в духовное звание. В Малороссии, и особенно в тогдешнее время, это не было предосудительно для дворян, нередко поступающих и ныне в духовный сан. Сообразно этому Семен Иванович поступил в Киевскую Академию, где и обучался латинскому и немецкому языкам, риторике, богословию и другим свободным наукам. Вероятно, впоследствии приобрел он знание восточных языков, но в какое время, нельзя сказать утвердительно.

Будучи добр и набожен и живя до окончания наук с монахами, не мог он по предусмотрительности своей не увидеть, что монашество не его путь, почему и не принял обета, но искал ближайшего пути к спасению⁷².

По кончине его родителей, он вступил, как должно думать, в Морскую службу, о чем я сам от Семена Ивановича

слышал изустно, что он был корпусным офицером и обучал кадетов, между которыми находился тогда И.А. Поздеев⁷³. В 1768 году напечатан перевод его 1. Путеводитель к Премудрости Людовика Вевеса⁷⁴. 2. История о императоре Феодосии Великом⁷⁵ в 1769 году. 3. О прививании коровьей оспы. - О первой и говорит сам Семен Иванович в письме к Ф.П. Ключареву⁷⁶.

Множество напечатанных его переводов известны любознательным нашим соотечественникам, об некоторых упоминает А.Ф. Лабзин в жизнеописании Бёма⁷⁷, приложенном к изданной им книге «Путь ко Христу». Вот слова его: «В заключении скажу, что почти все творения Бёмовы переведены на наш язык одним достопочтенным старцем, который однако ж ничего своего издавать в свет не любит и у которого они по жизни вероятно останутся под спудом».

Оставивши корпусную службу, Семен Иванович был сделан правителем канцелярии бывшего тогда Главнокомандующего в Москве, графа Захара Григорьевича Чернышева⁷⁸, отменно его полюбившего, которого он и пользовался особенною доверенностию.

В это время под начальством Семена Ивановича находился в незначачем чине бывший в последствии Сенатором Ф.П. Ключарев, которому он вовсе продолжение службы не переставал благодетельствовать и был для молодого человека отцом и другом. Федор Петрович имел полное счастье вознаградить за его попечение чрез оказанную услугу Семену Ивановичу 12 сентября 1784 г., о которой до конца дней он в письмах своих к Ключареву упоминал с благодарностию. Зная беспристрастие Семена Ивановича ко всему земному, нельзя думать, чтобы это была благодарность за пенсию или за что-либо другое тому подобное. Он сам в письме своем к Федору Петровичу говорит о том: «Предоставляю суд учителю живых и мертвых, который по милосердию удостоил и меня несколько помощи принимать истину Господню, которую иногда и вам, по дружбе нашей и из благодарности за ваше старание обо мне, прежде оных 27 лет оказанное, сообщаю».

По рекомендации графа Захара Григорьевича Императрице Семен Иванович употребляем был по разным поручениям относительно польских дел, которые исполнил с отличным успехом и согласно с желанием Ёсударыни, за что и был ему предложено в награду 300 душ; но Семен Ивано-

вич, узнавши об этом, сказал: «Велика милость монархини; но я имею одну собственную душу, да и с нею не могу справиться, что же мне делать с 300 душ посторонних».

Рассказывают, что когда Семен Иванович жил в доме Главнокомандующего, случилось ему однажды запоздать и по возвращении домой в переулке между Петровской и Тверской встретиться с двумя подозрительными людьми, которые без дальних околичностей потребовали у него часов и денег. Удовлетворивши их, Семен Иванович пошел покойно далее и, поравнявшись с Церковью, стал на колени и молил о том, чтобы отнятые у него неизвестными деньги послужили им не во вред, а в пользу.

Таковы-то были чувствования почтенного мужа, привлечшие его к Богу. Стечение обстоятельств познакомило его с истинными христианами, и указало путь к Боговеденью, по которому он с тех пор ревностно шествовал. Не помышляя более ни о чем земном, решительно отрекся от мира. Углубился в самого себя и до того простер свое самоотвержение, что и в маловажных привычках почитал за долг себе отказывать. Так, например, разочтя, что в год вынюхивает он на 15 рублей табаку, отдал эти деньги бедным, а табакерку запер в стол, где она и оставалась до самой кончины его. Когда-то А. Н. Д.⁷⁹ он сказал: «каждая побежденная привычка есть шаг к свету».

С кончиною графа З.Г. Чернышева, окончилось и деятельное при нем служение Семена Ивановича. Кроме прочих дел, упражнялся он в переводах с латинского, польского и немецкого, от чего и получил глазную болезнь и был уволен от службы за болезнь без всякого награждения, хотя и был представлен к награде пред кончиною главнокомандующего. Вероятно, кончина начальника, а к тому и следствие над Новиковым, вскоре за тем последовавшее, сделали недействительным представление.

В это время живя в доме Гендрикова, принадлежащем Компании, его имущество, как принадлежащее Компании, было отобрано и чрез несколько лет он покупал их на площади, о чем сам рассказывал.

Следствие над Новиковым отозвалось и над Семеном Ивановичем. К нему явился чиновник полиции для отобрания у него некоторых сведений по делам. Прочтя бумагу, Семен Иванович задумался и сказал про себя: «что я буду отвечать?» Видя его смущение, А.Л. Ларионов (так

назывался чиновник), имея доброе сердце, пожалел старика и стал ему советовать, как написать ответ. «А разве можно лгать, - возразил Семен Иванович, - да при том еще нарушать присягу?» - и принялся увещевать чиновника, что довел его до слез и сделался причиной его обращения. Во всю жизнь свою Ларионов не забывал благодетельного поучения и умер хорошим христианином, касательно же дела говорил Семен Иванович: «Я потому не знаю, что отвечать, что не справился с бумагами; а вы пожалуйста ко мне завтра и получите ответ», - что действительно он и исполнил. Имение, доставшееся ему по смерти родителей, еще бывши на службе, он предоставил родственникам. Остался один слуга и пятьсот рублей денег, которые тот украл и бежал, но был пойман, и когда его привели к Семену Ивановичу, то он сказал ему: «Видно, брат Семен, мне не суждено Богом иметь людей. Вот тебе отпускну и те пятьсот рублей, которые ты у меня взял».

Между тем дом Компании был описан, имущество опечатано, почему Семен Иванович, не имея другого пристанища, поселился в Подмосковной у Николая Ивановича Новикова, к чему побудило его, вероятно, и желание успокоить осиротевшее семейство его друга, который, разлучась с ним по известным обстоятельствам, встретил его с прощальным дружеским объятием, отправляясь в Шлиссельбург. Чтобы дать некоторое понятие о бремени и внутреннего, и наружного креста, который нес этот подвижник, выпишем в назидание душе собственные слова Семена Ивановича из письма к одному из друзей: «...и хотя я по-моему мнению казался быть врагом себе и отрезал всякую земную похоть и вожделение, однако же тем не менее ласкательствовал я себе так, что Бог возбудил против нас праведных и неправедных человек, которые много лет покрывали нас всякими хулениями, пока собственная воля совсем не предала себя в смерть Христову, и ничего уже собственного не хотела. В одном состоянии истинно казалось, что небо стало железо и любвеобильное сердце Отчее, как диамант, я взывал, но помощь моя далеко была, а после я познал любовь Божию и должен сказать с Павлом, что страдания сего времени не достойны той Райской радости, которою мы уже здесь в уме наслаждаемся и сколь велика будет слава, которая еще откроется».

Проводя своего друга, он жил с братом его Алексеем Ивановичем, который в не разделенном имении между ним и братом сделан был опекуном. Здесь узнал он о кончине Императрицы Екатерины и, наконец, дождался возвращения Николая Ивановича, которое и описал в одном из своих писем. Тут в тихом уединении мог он наблюдать сего великого человека; вместе с ним схоронили они брата его Алексея Ивановича, встретили кончину императора Павла, восшествие на престол Александра, одним словом, смотрели, как преходит слава мира сего.

Я не возьму на себя описывать, как, оставленные миром, два друга жили в своем уединении: их можно уподобить двум кормщикам, беседующим на корабельных обломках. Сколько опытных познаний и практического ведения заключалось в излинии сердец их. Ежели живое слово и семя истины, то, конечно, Господь не дал ему упасть на бесплодную землю. Буря жизни научила их полагаться на одно только Провидение: вступление в Москву французов подало им случай на самой практике показать преданность свою воле Божией. Они оставались в селе Тихвинском, в 80 верстах от Москвы и под охранением казацкой команды, прибывшей уже после занятия столицы, не достаточной, чтобы защитить их от неприятеля.

Но мир и в этом случае не оставил их в покое, хотя они и оставили его. Клевета не замедлила распространиться, что они встречали Наполеона, и мало ли что говорили, но это не относится к этой биографии.

Всякий может себе представить, как трудно было Семену Ивановичу схоронить своего друга. Крут современных ему знакомых вымер, он остался один. Так по крайней мере говорил Семен Иванович тем, с которыми был в сношении в последнее время. Некоторые рассказывают, что он, проводя гроб из дому, обратился к углу и заплакал, а потом сказал: «Сорок лет учимся управлять собою и, кажется, можем, а на деле выходит не так», - и ушел в свою комнату. Другие же утверждают, что Семен Иванович не плакал. Достоверно известно только то, что Семен Иванович по болезни не был в церкви, ибо он 20 лет живя в своей комнате, по преклонности лет своих, из дому почти не выходил, разве только для приобщения, о чем сам пишет в письме к Федору Петровичу Ключареву: «При погребении хотел быть до конца, но пощадил ног своих, и для то-

го, осмотря вырытую яму, пошел в свою квартиру». Здесь можно заметить, как он смотрел на преходящий мир, что и самое жилище свое называл квартирой.

Желая хоть в кратком очерке показать различие двух характеров, возникших из одной школы⁸⁰, мы поместим здесь два изречения, сказанные нашими друзьями, как справедливо говорит Дютуа⁸¹: «Добродетельные мужи подобны цветам в вертограде Господнем, от каждого свой запах».

За обедом в шумной беседе Семен Иванович спросил одного слишком развеселившегося своего соседа: «А знаете ли вы, что то дерево выросло, из которого вам сделают гроб?». Это резкое замечание так поразило соседа, что он замолчал, и в последствие переменял образ своей жизни, сделался богобоязливее и рассудительнее».

Когда-то также за обедом при Николае Ивановиче рассуждали о Царствии Божием, говорили долго, хорошо и красноречиво. Николай Иванович, встав из-за стола, сказал: «Царствие Божие не в словеси, но в силе, предоставим будущему веку судить, достигли ли Царствия Божия те, которые так хорошо о нем говорили».

Осиротев после разлуки с умершим другом, Семен Иванович продолжал вести уединенную жизнь свою, весьма редко и весьма немногих принимая к себе из тех, которые знали в нем наследника почившего и близость свою к нему почитали истинным для себя счастьем. «Мы молимся, - писал он одному другу, - о вас непрестанно и придаем во Иисусе Христе душу нашу за вас; но вы еще привязаны к духу мира... Я для того столь верно советую любовь, понеже я принял сию сторону и любовь прогнала всякий страх <...> я исследовал сей путь, хотя он болезнен и страдателен, однако приводит наконец к покою, что Бог открывает в нас Рай свой и поживает от всего борения своего. Вы во всех письмах моих найдете любовь и страдание или терпение, о которых я советовал всем известным друзьям моим, ибо я сам испытал и исполнял то, что каждому представил для научения» и прочее.

Чрез семнадцать уже лет после отставки по ходатайству Ф.П. Ключарева, без просьбы Семена Ивановича, назначена ему от Государя Императора пенсия. Положение дел заставило его принять пенсию. Хозяин дома Николай Иванович оставил дела и бумаги своих друзей в совершенном порядке, а финансы свои в расстроенном положении.

Тогда пенсия пригодилась на содержание детей Николая Ивановича. Чтобы пособить им, он продавал свои переводы и манускрипты, потом и книги, так что после него осталась одна Библия. Приобретенные манускрипты хранятся у многих чтущих его память. Здесь не излишним будет сказать подробно о продаже книг, которые предлагал он купить только умеющим достойно оценить их. Таким образом он сказал дочери Николая Ивановича Вере Николаевне: «Деньги за книги принадлежат тебе; скажи, кому хочешь уступить их?» Она отвечала: «Столько было мне и батюшке одолжений от М. В. П.⁸², то я из благодарности ему их уступаю». И так все, что было собрано Николаем Ивановичем и Семеном Ивановичем перешло к нему. Я сам по препоручению некоторых знакомых был у Семёна Ивановича и спрашивал о числе продающихся книг. На что он мне сказал, «что десятками считают яблоки, а не книги». Когда же я стал просить реестр, он отвечал, что «еще не составил, но вы его получите». Уходя от него, я не знал, что получу: реестр или книги. Между тем Семен Иванович скончался, книги завещаны им в другие руки. Тот, кому завещаны, отобрав книги Николая Ивановича, не захотел иметь в двойне принадлежавших Семёну Ивановичу одного с теми содержания, и предоставил их в распоряжение моих родных, от которых я получил их в подарок. Таким образом, действительно сбылись слова Семёна Ивановича, сказавшего мне: «Вы их получите».

Дружеские пособия семейству Новикова не ограничили деятельности Семёна Ивановича. В том же доме жила вдова профессора Ивана Егоровича Шварца и была как попечительная мать лишенным ума детям Николая Ивановича. Ее состояние также было расстроено, покойный муж ее участвовал в Компании Новикова. Но неожиданный переворот все ниспровергнул. Шварц вскоре умер, оставив жену и детей без состояния. Семен Иванович не покинул их: дочери помог выйти замуж, а сыновей воспитывал и сам учил. Когда они выросли, то одному из них сказал: «Стало быть, я любил отца твоего, когда сам тебя высек».

В.А. Левшин⁸³ в краткой биографии этого почтенного мужа говорит: «Семен Иванович, живя у Николая Ивановича, занимал себя Мистикою и ближние к нему видели, что не без особенного благословения Божия!» Не хотел ли он чрез

то наметнуть на духовные дары, которыми действительно обладал Семен Иванович? Свидетельствуясь многими, не трудно было бы привести подтверждение сказанному; но ни пределы статьи, ни обязанность моя мне того не позволяют. Кто прочтет со вниманием здесь слабою рукою начертанное, тот заметит нечто необыкновенное в этом муже.

Не для славы Семена Ивановича, но для убеждения читателя в моих словах, скажу, что митрополит Михаил, столько уважаемый всеми, быв обязан первым образованием Гамалею и Новикову, еще бывши Священником в Церкви Иоанна Воинственника, пользовался их наставлениями и, уважая духовные дары Семена Ивановича, в проезд свой чрез Москву, посетил Тихвинское и вошел в комнату Старца в клобуке и панагии. Семен Иванович принял его со всем уважением приличным его сану, соблюдая в обращении с ним всю почтительность, какового каждый обязан Архипастырю; но Михаил не за суетным воздаянием чести своему сану приехал и, прекрати разговор, вышел в другую комнату, откуда возвратился в одном полукафтани и камилавке. «Ах, отец Михаил, - сказал приятно изумленный старец, - милости просим, спасибо, что не забыл меня, старика, садись и побеседуем от сердца». Пример, достойный почтения, и в госте, и в хозяине.

Вскоре после кончины Николая Ивановича, впоследствии умерла дочь его Веры Николаевны, остались двое ума лишенные брат и сестра. Еще при Вере Николаевне расстроенное и описанное имение не могло оставаться не проданным с аукционного торга. В это время Семен Иванович не оставил несчастных сирот, решившись не выезжать из имения до тех пор, пока его не выгонят, хотя и был приглашаем многими из своих друзей, о чем он писал в 1821 году и к П.Л. Сафонову⁸⁴:

«Особенную благодарность приношу за милостивое Ваше предложение убежища в доме Вашем и искренне доношу, что я по старости и слабости моей не гожусь уже для вашего дома; давно уже в Церковь не хожу, и нередко со мною бывает так, что едва хожу по комнате, и так ожидаю конца или изгнания, а по своей воле не могу отсюда, хотя многие прежде Вас приглашали, ибо изволите знать, что отвержение собственной воли или самости наипаче нужно нам».

На другой день после кончины Семена Ивановича покупатель был введен во владение. Таким образом, решение

его оставаться на месте, в котором Провидение его водворило, действительно исполнилось. Он скончался 1822 года, мая 10-го, в 2 часа по полудни, спокойною христианскою кончиною. Жил на свете 79 лет, 11 месяцев и 16 дней. Тело его предано земле Московской Губернии Бронницкого уезда в селе Тихвинском близ церкви, возле южных дверей на показанном им самим месте, неподалеку от гроба Николая Ивановича.

Через 14 лет после его кончины владелец⁸⁵ упомянутого Тихвинского духовным завещанием предназначил устроить в нем больницу и богадельню и доходы употребить на их содержание, что и удостоено Высочайшего утверждения. Таким образом, место жилища благочестивых друзей освятилось учреждением благотворительного заведения. Может быть, поздние потомки с чувством благоговения посетят могилы их и принесут им дань сердечной благодарности за их труды в нравственном образовании предков.

В заключении этой биографии упомянем кратко о тех добродетелях Семена Ивановича, которые были многим известны. Вероятно, они были только частные проявления того внутреннего достоинства, которым обладал стопочтенный муж. Он имел страх божий и соблюдал любовь к ближнему в величайшей чистоте.

Когда один из знакомых спрашивал у него, может ли возвратить ему собственную его книгу, взятую им у другого, ответил: «Ежели можете без оскорбления ближнего возвратить мне книгу, вы меня обяжете».

Скромность и молчаливость его простиралась до такой степени, что после смерти его найдены некоторые бумаги, которых тщетно искали за границею.

Любовь к Спасителю и неизменная верность в исполнении его заповедей были непременным его законом до самой смерти, что могут засвидетельствовать все знавшие его. Любовь и смирение заставили его подчинить себя другу своему, и в этом подчинении он пребыл ему верным и по смерти. Когда ему предлагали перевести некоторые книги, то отвечал, что он еще трудится над переводами, предназначенными ему Николаем Ивановичем, и что он своей воли не имеет.

Довольно известно, что Семен Иванович умел хранить тайну; но и зато можно ручаться, что он открывал ее по мере удобоприемлемости. Собранным друзьям, сетовавшим о потере Николая Ивановича, он сказал: «Вы ничего не потеряли с его смертию».

Ежели нравственное образование человека есть существеннейшее благодеяние, какое только можно оказать ближнему, по слову Спасителя «кто сотворит (повеленное) и научит, сей велий наречется в Царствии Божием», то без сомнения это обетование принадлежит мужу, о жизни которого мы изложили здесь краткие начертания. Не говоря о многих свидетельствах в подтверждение сказанному, заключающихся в собственноручных письмах его, приведем лучше слова известного и строгого писателя, который не любил расточать похвал для тех, которые их не заслуживали. Вот что пишет Александр Федорович Лабзин: «При сем вспоминаю о тебе, почтенный благодетель мой и многих! Строгий муж, истинный угрозы, но мне прелюбезный, которого имени не изрекаю, щадя твою скромность! Вспомня о тебе, я с теплыми слезами и горячим сердцем испрашиваю тебе всех благословений от Щедродавца Бога. По слову Спасителя нашего, *Мф.* V.19.X: 42⁸⁶, испрашиваю тебе платы за меня, за других от Него, за сию самую строгость, которая для меня ценнее многих ласковых речей и похвал других. Испрашиваю же себе, чтобы я лучше исполнял твои дружеские советы. - Благодетельный друг! Не вини меня за сие выражение чувств моих; все без намерения написалось. При мысли оной ты представился живо воображению моему, сердце мое размягчилось и востребовало облегчиться излиянием сих чувств моих... Моя то нужда, не твоя».

Скажем наконец, что письма Семена Ивановича, писанные к друзьям, некоторые собраны и изданы в свет. Второе издание их, умноженное, украшено портретом и списком с почерка руки писателя, вышло в свет в 1836 году. О достоинствах их может судить каждый, ищущий внутреннего просвещения.

Под простыми выражениями сокрыты великие тайны Царствия Божия. Некоторые в особенности исполнены Духа помазания и лучше всего свидетельствуют о том, был ли Семен Иванович истинный сын Церкви. Впрочем, многие из его писем остаются ненапечатанными, а другие, как известно, истреблены пожаром во время неприятельского нашествия у тех друзей его, которые в Москве имели постоянное пребывание.